

RU

Представления о прошлом как форма социального знания: политика памяти и кризис идентичности

Мамедов А. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить теоретико-методологические основания концептуализации представлений о прошлом как формы социального знания в контексте корреляции политики памяти и феномена идентичности. В статье рассматривается кризис идентичности как результат усложнения общественных отношений и дестабилизации социального знания. Политика памяти, являющаяся инструментом регулирования представлений о прошлом, осмысливается как феномен, возникающий в результате появления альтернативных версий прошлого. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём представления о прошлом анализируются не как совокупность исторических фактов, а как форма социального знания, что способствует углубленному пониманию механизмов социально-исторического конструирования реальности и выявлению функциональной взаимосвязи между дестабилизацией исторической памяти, кризисом идентичности и актуализацией политики памяти. В качестве нового научного знания, полученного в ходе исследования, выступает обоснование тезиса о том, что политика памяти является не только инструментом идеологического воздействия, но и механизмом реконструкции социального знания о прошлом, направленным на преодоление кризиса идентичности в условиях информационной нестабильности. В результате исследования установлено, что кризис идентичности, обусловленный дестабилизацией представлений о прошлом, актуализирует политику памяти как механизм реконструкции исторического знания и обеспечения устойчивости коллективной идентичности в условиях усложняющейся социальной реальности. В качестве практического примера такого подхода выдвигается концепт национальной идеи современной России, опирающийся на традиционные ценности и межнациональные интересы.

EN

Representations of the past as a form of social knowledge: the politics of memory and the identity crisis

A. A. Mamedov

Abstract. The study aims to identify the theoretical and methodological foundations for conceptualizing representations of the past as a form of social knowledge in the context of the correlation between the politics of memory and the phenomenon of identity. The article examines the identity crisis as a result of the growing complexity of social relations and the destabilization of social knowledge. The politics of memory, which serves as a tool for regulating representations of the past, is conceptualized as a phenomenon arising from the emergence of alternative versions of the past. The scientific novelty of the research lies in the fact that representations of the past are analyzed not as a collection of historical facts, but as a form of social knowledge. This approach contributes to a deeper understanding of the mechanisms of the socio historical construction of reality and helps identify the functional relationship among the destabilization of historical memory, the identity crisis, and the actualization of the politics of memory. The new scientific knowledge obtained in the course of the study is the substantiation of the thesis that the politics of memory is not merely a tool of ideological influence, but also a mechanism for reconstructing social knowledge about the past, aimed at overcoming the identity crisis under conditions of informational instability. The study establishes that the identity crisis caused by the destabilization of representations of the past actualizes the politics of memory as a mechanism for reconstructing historical knowledge and ensuring the stability of collective identity in an increasingly complex social reality. As a practical example of this approach, the paper puts forward the concept of the national idea of modern Russia, which is based on traditional values and interethnic interests.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа представлений о прошлом как формы социального знания в условиях расширения информационных потоков. По мере усложнения общества как самоорганизующейся системы возникают альтернативные версии прошлого, за чем неизбежно следует столкновение национально-государственных и транснациональных акторов. В результате этого фрагментируется и ослабевает идентичность, поскольку институты перестают справляться со своей функцией поддержания идентичности, что в итоге приводит к конфликту между личностью и социальным институтом. Такое явление в научной литературе получило название «кризиса идентичности». Этим объясняется необходимость политики памяти, проводимой государством в целях предотвращения кризиса идентичности граждан и сохранения исторической памяти.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать социальный характер представлений о прошлом;
- определить связь представлений о прошлом и феномена идентичности;
- исследовать формы корреляции идентичности и политики памяти.

Для реализации цели и решения поставленных задач в процессе исследования применены следующие методы: 1) социально-философский метод, в рамках которого осмысливается социальная природа представлений о прошлом и идентичности; 2) социологический, согласно которому исследуется конструирование социальной реальности посредством представлений о прошлом; 3) социально-психологический для анализа идентичности и ее корреляции с политикой памяти.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области социальной и политической философии. Концепция социальной обусловленности знания М. Шелера (2011) и идеологическая природа мышления К. Манхейма (1994) служат отправной точкой для анализа представлений о прошлом как коллективного феномена. Идеи А. Шюца (2004) о функционировании повседневного знания, а также теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (1995) позволяют раскрыть механизмы объективации и легитимации исторических нарративов. Психосоциальная концепция Э. Эриксона (Erikson, 1968) является ключевой для понимания кризиса идентичности. В анализе политики памяти используются труды А. Асман (2014), раскрывающие мемориальную культуру, а также работы Д. А. Аникина (2012) и Д. С. Артамонова (2023), посвященные стратегиям управления прошлым и концепции медиапамяти. Исследование символической борьбы в поле политики памяти опирается на социологию П. Бурдьё (2001), а нарративный подход – на философию П. Рикёра (1998).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения выводов исследования о непосредственной взаимозависимости представлений о прошлом как отдельной специфической формы социального знания с феноменом идентичности и исторической памятью в практической деятельности государственных и общественных институтов: они дают основу для создания механизмов реконструкции исторического знания, способствующих устойчивости гражданской идентичности.

Обсуждение и результаты

Существует множество определений социального знания и все они носят относительный характер в силу сложности и малоизученности самого феномена. Согласно М. Шелеру (2011, с. 23), общество стремится создать свои искусственные знаковые системы, которые принимаются как объективно данное, так как они согласуются с конвенциями соответствующей эпохи. Этим он обосновывал социальную обусловленность знания. В структуре социального знания мыслитель выделял групповую душу и групповой дух. Первая форма знания отличается бессознательным принятием в результате его внешнего характера, поэтому оно непосредственно оказывает влияние на психофизическую деятельность (народный миф, религия, история, обычаи, нравы, народный язык, одежда). Групповой дух характеризуется сознательными актами, имеющими определенную направленность (государство, право, культурный язык, философия, искусство, наука, «общественное мнение») (Шелер, 2011, с. 50).

Другой представитель социологии знания К. Манхейм (1994, с. 22) природу социального знания определял как групповую мыслительную реакцию на типичные ситуации, в результате которых возникает коллективное знание как общая позиция, разделяемая участниками группы. По мнению ученого, к такому знанию применим не механистический, а генетический подход, который рассматривает его через призму становления и течения.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана (1995, с. 14), повседневная реальность представляет собой фабрику значений. Символические универсумы создают символы, которые в процессе объективации (через знаковую систему) и легитимации (специальный класс экспертов) получают статус само собой разумеющегося знания в повседневной жизни. Индивиды эти символы на своем обыденном уровне подвергают трансформации, привнося в них свое видение определенного элемента системы. Происходит это в процессе социального взаимодействия. Сформированные в результате смыслы, разделяемые другими участниками конструирования, определяют социальную реальность.

Исходя из этого, социальное знание можно определить как интенциональные значения и смыслы, возникающие в процессе непосредственного социального взаимодействия как результат осмысления основополагающих

символов общества на профессиональном и непрофессиональном (обыденном) уровнях. Одной из важнейших форм такого знания являются представления о прошлом, поскольку именно на их основе личность идентифицирует себя в обществе.

Согласно С. Московичи, «под социальными представлениями мы понимаем ряд понятий, высказываний и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностного общения» (Moscovici, 1981, p. 181). Из этого следует, что основным признаком социального характера представлений о прошлом является их выработка в процессе обмена и взаимодействия в обществе. По мнению этого автора, социальные представления тесно связаны с такими понятиями, как «повседневное взаимодействие», «обыденное знание», «здоровый смысл» (Шюц, 2004, с. 7-50).

Согласно А. Шюцу (2004), конструирование социальной реальности индивидом происходит в результате сопоставления им прошлых рецептов знания с настоящим и будущим. В результате повторяющегося прошлого опыта формируется типизированное поведение. В таком аспекте понять действия индивида можно исходя из механики его поведения в прошлом. Таким образом, представления о прошлом формируются в процессе социального взаимодействия, где они носят интенциональный и интерсубъективный характер.

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, индивид определяет социальную реальность исходя из его воспоминаний о прошлом. Так, представления о прошлом возникают в процессе социального взаимодействия и являются интерсубъективными ввиду того, что они выступают фундаментом для формирования различных объединений. Кроме этого, воспоминание не является реальным в социальном аспекте, если не признается другими. Через знаковую систему представления объективируются в повседневную жизнь. Благодаря таким институтам, как семья, государство, школа, СМИ, данное знание институализируется. Однако для полного принятия необходима легитимация представлений, поэтому указанные институты занимаются ею на профессиональном уровне. В результате данного процесса создается концептуальное единство представлений о прошлом, которые являются формой социального знания, поскольку обладают всеми необходимыми признаками социальности. Такая форма социального знания выполняет свою важнейшую функцию – формирование идентичности. Благодаря образам минувшего люди создают представления о себе и своей принадлежности к определенной общности. Поэтому от представлений о прошлом напрямую зависит стабильность идентичности личности и социальных групп.

Становление идентичности как социально-философской проблемы начинается с обсуждения темы автономной личности. Свое уникальное значение это понятие приобретает после промышленной революции. Однако научный статус концепт идентичности получает после исследований Эрика Эриксона. Мыслитель определяет ее как субъективное ощущение своей самостождественности, которое является источником энергии и преемственности (Erikson, 1968). Вследствие сложности самого феномена не представляется возможным говорить о концептуальном единстве данного понятия. Это обусловлено существованием различных философских и психологических подходов к определению идентичности.

Согласно З. Бауману (2005, с. 191), эпоха идентичности полна ярости и шума. Усилия индивидов, направленные на поиск идентичности, разделяют и обособляют общество, а завершается этот процесс обслуживанием индивидуальных потребностей. Под последним явлением подразумевается возведение в объективный статус определенной индивидуальной черты субъекта и обособление ее от традиции. Иначе говоря, согласно концепции «текущей современности» З. Баумана, традиционные формы идентичности заменяются фиктивными (изобретенными).

В системе идей постструктуралистского подхода (Барт, 1994; Делёз, Гваттари, 2007) идентичность характеризуется как эфемерный концепт, постоянно подверженный изменениям. Концептуальное единство индивида распадается, он становится многоликим (Бард, Зодерквист, 2004, с. 78). Первая стадия деконструкции субъекта сопровождается желанием перестать быть человеком, а вторая невозможностью им стать. «Мы говорим здесь, по меткому замечанию Делёза, не об индивидууме, человеке неделимом, а о дивидууме. У этого дивидуума не одна идентичность, а несколько, да и те бесконечно делимы. Человек – это просто место встречи массы противоречивых сил и стремлений, не имеющих центра» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 79). Идентичность как ответ на вопрос (кем я себя считаю?) формируется в результате активной и сознательной социализации в системе общественных связей.

Значительный вклад в осмысление проблемы идентичности внес философ и социолог Дж. Мид. Идентичность как социально-коммуникативное явление в рамках темпоральной концепции осмысливается им как восприятие субъектом сознания «времениположения». Согласно концепции символического интеракционизма Дж. Мида (Mead, 1929, p. 73), посредством представлений о прошлом, настоящем и будущем как формах социального взаимодействия происходит выработка социальных значений. Он считал, что для возникновения идентичности в процессе социального взаимодействия, ключевую роль играет символическая коммуникация. По мнению философа, можно выделить две основные формы формирования феномена идентичности: неосознаваемую (формируется на основе норм и привычек социальной среды, в которой коммуницирует индивид, что стало особенно распространенным: СМИ, киноиндустрия, интернет) и осознаваемую (критическое осмысление социального поля, а не слепое принятие ритуализированных социальных практик).

В отличие от физической (внешней) идентичности, непосредственно связанной с пространственным аспектом, внутренняя (психическая) идентичность основывается на ментальном акте. Ментальность поддерживается переходом от одного акта к другому, поэтому важным условием внутренней идентичности является память. Формирование идентичности напрямую связано с представлениями о прошлом. Согласно Г. Люббе,

«идентичность – это ответ на вопрос о том, кто мы такие. Только в тех случаях, когда некто уже знает о нас... ему достаточно сообщить наше имя, чтобы он понял, кто мы такие. Во всех остальных случаях требуются дополнительные сведения... В своей совокупности эти сведения образуют, как нетрудно заметить, некоторую историю. Эта история составляет нашу идентичность, и с ее помощью нас идентифицируют» (1994, с. 110). Для внесения ясности, необходимо погрузиться в механику этого процесса.

Запечатленные в прошлом подтексты формируют импликационные отношения, непосредственно оказывающие воздействие на ментальные акты. Отсутствие воспоминания о конкретном событии не является препятствием для сохранения влияния чувства, связанного с этим событием. Например, в детстве индивида может напугать нападение собаки, а он может этого не помнить, однако чувство страха, вызванное этим испугом, продолжит оказывать влияние на его поведение. Данный пример иллюстрирует связь аффективной памяти и идентичности. То ментальное основание, которое является необходимым условием реальности идентичности, И. Кант (2015, с. 130-133) назвал первоначальным синтетическим единством апперцепции. Иначе говоря, как уже было отмечено выше, идентичность – это концепция представления о личном «Я», а память является неотъемлемым условием такого представления. Обоснованием этого выступают символические универсумы, формирующие условия для становления идентичности и поддержания ее стабильности. Для реальности идентичности субъекта необходимо наличие его отличительных черт, по которым он не тождественен другим. Важную роль играет не просто наличие таких черт, но и их признание другими.

Содержание индивидуальной и коллективной идентичности социальные институты наполняют рядом символов и знаков, итоговая направленность которых – в создании картины мира. В социологическом аспекте речь идет об описательном и нормативном самообразах. Объективация и легитимация права данных институтов на нормативное регулирование феномена идентичности происходит в процессе создания правил, оформленных со временем в мифические и религиозные положения. Эти установки объединяются под общим понятием народной самобытности. Этничность, по мнению Винера (1998, с. 18), это передаваемая из поколения в поколение и состоящая из сформировавшихся тысячелетиями предрасположенностей «привычка», от которой мы не можем отказаться. Однако в нее можно вносить изменения, характер которых зависит от нормативных и когнитивных условий конкретного времени. В связи с этим, важное значение для социальных и политических институтов играет поддержание памяти, что со временем приводит к образованию целого института памяти.

Социальный институт нуждается в индивидах, поскольку благодаря им он онтологически существует. Из-за этого для такой социальной единицы важна симпатия людей, для получения которой усиливаются элементы программы идентичности. Это является причиной существования конфликтов между равными институтами, что может привести к дестабилизации идентичности. Например, смена индивидом религиозной веры. В этом примере, помимо самих институтов, конфликт наблюдается между человеком и институтом. Так, согласно классической теории социализации, в рамках которой переход от одного жизненного цикла к другому сопровождается кризисами идентичности (Erikson, 1968), предпосылки для этого начинают складываться уже в процессе взросления индивида, когда он перестает быть ребенком, обретает самостоятельность, получает образование, начинает работать. Все эти моменты в ходе становления личности оказываются частью прошлого, по которому судят об индивиде и он судит о других. Безусловно, для суждения необходимы ценности, которые и сформировались благодаря этим институтам.

Когда же субъект обретает самостоятельность и начинает сомневаться в ценностях, то происходит смена альтернативы, сопровождающаяся личностным конфликтом. Так как прошлое человека формирует его самость, а ценности существуют, пока есть прошлое, то его забвение сопровождается столкновением между «Я» и самостью. Когда этот процесс приобретает массовый характер, то неизбежны такие последствия, как распад коллективной памяти, утрата традиций, дисгармония между индивидом и обществом, чувство неполноценности своей культуры относительно других (Хёсле, 1994). В целом, будет допустимым сказать, что чем сложнее становится общество, тем более фрагментируется и ослабевает идентичность, поскольку институты перестают справляться со своей функцией поддержания идентичности, что в итоге приводит к конфликту между личностью и социальным институтом. Такое явление в научной литературе получило название «кризиса идентичности».

Т. С. Колябина (2005) определяет кризис идентичности как отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности (внешней и внутренней), которое актуализирует необходимость сознательного выбора новой идентичности, умение соответствовать этому выбору. В «протеевской» личности нет концептуального единства, она расколота и фрагментирована. Понятие “protean self” вводится американским психиатром Р. Д. Лифтоном в 1993 году (Lifton, 1993). Само слово “protean” в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным реалиям может означать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе. По мнению Лифтона, «протеевская» личность описывает тип идентичности, при котором личность вынуждена постоянно изменяться, а её самость не может оставаться стабильной. Название отсылает к древнегреческому божеству Протею, способному принимать различные формы.). В ней сосуществуют несколько «Я», которые могут быть направлены на совершение противоположных и противоречивых действий. В социально-политическом аспекте поведение такого лица становится непредсказуемым, поскольку ценности, на основе которых формировалась реакция на определенный внешний импульс, больше не работают.

Референтная группа является основным социальным фактором, поддерживающим стабильность идентичности. Уменьшение или потеря интегрирующей силы такой социальной единицы дезорганизует личность, так как нет признания и разделения общих ценностей, благодаря которым лицо структурирует свою жизнь (Климов, 2001, с. 62). В таких условиях следствием может быть «негативный индивидуализм», в котором человек погружается в одиночество и видит в других людях опасность. Он должен постоянно подтверждать свою идентичность, чтобы возникло чувство принадлежности к общности, напрямую связанное с фактором безопасности. Национальные традиции, история, территория как концепты самоидентификации и уверенности в самом себе становятся зыбкими. «Бытие-в-рамках» трансформируется в «бытие-на-границе» или даже «бытие-сверх-пределами». Индивид перестает идентифицировать себя с цивилизацией, с культурой нации, с исторической эпохой, что приводит к дестабилизации общественной системы, росту социальной напряженности, внешней и внутренней уязвимости, конфликтогенности, что не способствует сохранению суверенитета и территориальной целостности стран (Сыздыкова, 2021, с. 32).

Отправной точкой обретения проблемой идентичности политического статуса служит появление альтернативных интерпретаций прошлого, которые акцентируют внимание на эмоциональном аспекте, делая их тем самым доступными и понятными для массового восприятия. Социальная поддержка этих интерпретаций и их последующее распространение приводит к формированию новых дискурсивных практик. Все люди в открытом доступе делятся своим мнением, впитывая при этом и чужое, которое может в какой-то мере становится «навязанным» (Арутюнян, 2025, с. 28). Основной инструмент такой политики – это субъективная интерпретация ключевых событий истории. Согласно Д. С. Артамонову (2023, с. 204), находясь в пространстве коллективной памяти и выступая инструментом политического манипулирования массами, исторические образы естественным образом мифологизируются, а миф оказывается самым удобным объектом «разоблачения». По мнению философа, история превращается в миф, чтобы стать доступной рядовому обывателю. Таким образом, на сложные вопросы даются простые ответы, события хронологически запутаны, ключевые личности смещены во времени, но это не мешает формированию массовой оценочной истории через конструкты добра и зла. Яркие примеры: призвание варяг на Русь или реформы Петра I как сложный эпизод в истории России для профессионального историка, но понятный для массового читателя («прорубил окно» в Европу, постриг бороды боярам и сделал Россию мировой империей).

Формирование идентичности посредством представлений о прошлом выражается в непрерывном сопоставлении и сравнении идеального и реального образов «мы» с некими эталонными пространственными и темпоральными конструкциями (в памяти всплывают общеизвестные концепты: «золотой век русской культуры», «Россия, которую мы потеряли», «жить, как в Советском Союзе») (Титов, 2017, с. 21). Согласно И. С. Семененко (2011, с. 8), наличие таких символов, как история происхождения, исторический опыт и судьба в целом, являются одним из оснований идентичности, поскольку на их базе формируется повседневное социальное знание. Однако отсутствие рационального осмысления таких символов прошлого образует импринт-поле в общественном сознании, которое носит эмоциональный характер (Импринт (от англ. imprint – запечатлевать, оставлять след) – это устойчивый след, который формируется в сознании, культуре или поведении под влиянием значимых событий, образов, эмоций или опыта. В психологии импринтинг связан с фиксацией определённых паттернов восприятия и поведения в критические (сенситивные) периоды жизни, часто протекает неосознанно и может быть необратимым. – примечание автора, М. А.). Особенно ярко это проявляется в делении представлений о прошлом на позитивные и негативные. Например, в России позитивный образ – это период «золотого века» («век Екатерины»), расцвет русской литературы («весь мир читает Достоевского»), а негативный – раздробленность, монгольское нашествие на Русь, «Смутное время», «лихие» 1990-е.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что идентичность и представления о прошлом находятся в состоянии прямой корреляции. Деструкция представлений о прошлом неизбежно ведет к фрагментации идентичности, что, в свою очередь, порождает запрос на целенаправленное управление памятью. Как отмечал М. Кастельс, «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» (2000, с. 27). Кроме того, эта связь лежит в основе концепции «политики памяти», поскольку коллективная память существует не как пассивное хранилище воспоминаний о прошлом, а как конструируемая в соответствии с социально-политическими потребностями социальная система. Политика памяти представляет собой вмешательство в сферу исторической памяти через коммеморативные механизмы, что означает переход от неформальных практик к институализированным формам управления прошлым.

Согласно Д. А. Аникину, «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» (2012, с. 36). Это форма символической борьбы, которую П. Бурдьё (2001, с. 19-36) определял как пространство для игры сил и монополий, борьбы и стратегий, интересов и прибылей. В таком социальном поле действия направлены как на формирование представлений о себе, на основе которых строится идентичность, так и на субъективное конструирование этих представлений в целях создания желаемого самообраза. Зарубежные исследователи политики памяти (Ассман, 2014; Брубейкер, 2012; Olick, 2008) обращают внимание на ее обусловленность социально-политическими потребностями, вследствие чего процесс формирования представлений о прошлом становится ситуативным. Безусловно, такая практика нацелена

на формирование у граждан определенного типа отношения к представителям власти в государстве, от чего непосредственно зависит статус внутреннего суверенитета государства. Использование коллективных нарративов является действенным способом такой деятельности, что признается одним из ключевых элементов политики памяти. Государство выступает важнейшим субъектом в этом процессе, поскольку именно обладание властным ресурсом позволяет ему оказывать определяющее влияние на другие подсистемы общества. Однако помимо государства не менее значимым влиянием обладают и другие социальные единицы (например, общественная организация «Матери Беслана»). В системе общества возникает столкновение нарративов, где официальную сторону представляет государство (например, военные победы СССР как признак взаимного доверия между государством и народом), а оппозиционную – гражданские объединения (например, жертвы репрессий, представители депортированных народов). Существование такого противостояния, что есть сосуществование нескольких нарративов, является причиной возникновения самой политики памяти. Иначе говоря, стратегия управления памятью онтологически возможна только в том обществе, где есть альтернативные версии прошлого.

Однако важно отметить, что организация прошлого согласно социально-политическим потребностям в нарративной практике, реализуемой в политике памяти, не означает только целенаправленную деятельность по конструированию исторического знания в соответствии с личными запросами политической машины. Так, П. Рикёр (1998, с. 44) под нарративом понимал упорядочивание конкретных фактов в единое смысловое пространство с целью репрезентации или подражания реальным событиям. Поэтому политика памяти может быть направлена не только на конструирование прошлого, но и на его реконструкцию. Важно понимать, что реконструкция обусловлена политическим мотивом, поэтому она может использоваться не только в целях сохранения прошлого из-за уважения к нему, но и для сохранения политической стабильности и укрепления национально-государственной идентичности. Для этого необходимы позитивные смыслы, примером которых стала концепция государственности (Багдасарян, Балдин, Реснянский, 2021, с. 436). Согласно ей основным условием выживания нации, сохранения ее независимости и безопасности выступает укрепление государственной власти, которое выражается через формы внутреннего и внешнего суверенитета государства (Авксентьев, Аксумов, 2024, с. 16). Ярким воплощением такого политического символа является Победа в Великой Отечественной войне. В научной литературе подобные феномены получили название коммеморативных практик.

К коммеморативным практикам реконструкции идентичности относятся педагогические, кинематографические и медийные способы её реализации в школьных и вузовских учебных программах, художественном и документальном кинематографе, СМИ, социальных сетях (Русакова, 2023, с. 35). Так, например, введение предмета «Основы российской государственности» является попыткой ответа на современные для страны вызовы. В этом предмете используется исторический нарратив, согласно которому у России свое особое прошлое. Наблюдается нормативизация истории, выражающаяся в транслировании образцов для подражания в лице национальных героев, придании важности определенным событиям прошлого и их связи с современностью, а также в уважении к прошлому в целом как важнейшей традиционной ценности. Примечательно, что данный предмет непосредственно базируется на конституционных основах Российской Федерации. Безусловно, цель данной образовательной инновации заключается в формировании национального самосознания и единой государственной идентичности. Так, И. Г. Дройзен писал: «...практическое значение исторических исследований заключается в том, что они – и только они – дают государству, народу, армии и т. д. образ самого себя. Изучение истории есть основа политического воспитания и образования. Государственный деятель есть историк-практик» (2004, с. 499).

В истории современной России одним из показательных примеров реконструкции прошлого является присоединение Крыма, идеологическим обоснованием которого стала апелляция к историческому праву («древние права») и преемственности. В связи с этим на первом плане государственной риторики оказались исторические деятели, чьи образы ассоциируются с вхождением полуострова в состав России. Уже через месяц после присоединения при въезде в Севастополь были поставлены памятники Екатерине II и князю Г. А. Потемкину. В сентябре 2014 г. в Керчи была установлена памятная доска в честь 240-летия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, который подвел итоги Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Здесь наблюдается параллель между договором 1774 г. и Московским договором 2014 г. (Чубукова, 2019, с. 100).

В продолжение темы образовательных инструментов политики памяти следует отметить, что идея единого учебника истории среди прочих была высказана и В. В. Путиным 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям (Заседание Совета..., 2013). Это привело к некоторой стандартизации образования и сокращению количества официально одобренных учебников: если в 2013/2014 учебном году их было 235, то в 2014 г. осталось 65 (ввиду новых стандартов образования), а после введения Историко-культурного стандарта (ИКС) – 45, к концу 2020 г. число увеличилось до 69 (Гагкуев, 2021, с. 11). Тем не менее национально-региональный или региональный компонент еще несколько лет сохранялся в ряде субъектов Федерации. В качестве показательного примера можно рассмотреть ситуацию в Дагестане. Только в 2019/2020 учебном году региональный компонент (предметы: «История Дагестана», «Культура и традиции народов Дагестана», «География Дагестана») был выведен из учебных планов образовательных учреждений (ОУ) данной республики (Данилюк, 2020, с. 48). В данном примере наблюдается смещение фокуса политики памяти с регионального уровня на федеральный. Сильный акцент на локальной идентичности нарушает единство граждан. Например, могут возникнуть сепаратистские настроения. Поэтому для федерального центра важно, чтобы на локальных уровнях не было подмены региональной политики этнической. Этническая политика может дестабилизировать обстановку, поскольку героизация и выделение одного народа является обесцениванием

заслуг другого. Например, история Имама Шамиля до сих пор вызывает бурные дискуссии среди кавказских народов. Одни считают, что он сдался в плен добровольно (Гаммер, 1998), другие – что он был пленен в результате военной операции (Покровский, 2000). Любая трактовка данной личности может по-разному сказаться на историческом самосознании молодежи, провоцируя межэтническую напряженность. Так, в августе 2019 г. Р. Кадыров обвинил Шамиля в репрессиях против чеченцев, что немедленно вызвало протест в Дагестане (Хамидова, 2019).

Дискурс взаимоотношений Кавказа и России в контексте политики памяти представляет собой сложную и многогранную проблему, однако в настоящем исследовании необходимо затронуть важные аспекты соотношения политики памяти, представлений о прошлом и кризиса идентичности по данному региону. Так, события Кавказской войны (1817–1864 гг.), депортации карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов в СССР в 1944 г. и военные действия в Чечне (1994–1996; 1999–2009 гг.) оставили глубокий след в истории Кавказа. Представления о прошлом у этих народов сопряжены с исторической травмой. В их основе идентичности лежит память о пережитой трагедии. Восприятие себя в качестве жертвы постепенно сопровождается процессом психологизации и мифологизации негативного события (Хорни, 2004). Это явление получило название виктимизации (Мудрик, 2005, с. 25), которая часто может детерминировать переход реальной травмы в статус «избранной» (Волкан, 2012), способной к межпоколенческой трансляции. Подобная травма может пребывать в латентном состоянии на протяжении длительного времени, однако при возникновении событий, семантически или структурно схожих с первоначальным травмирующим опытом, происходит её реактивация в коллективном сознании. Исторические факты перестают иметь свою силу, поскольку передаваемая из поколения в поколение мифологизированная травма объективируется, становится безусловной частью идентичности, структурирует базу для повседневного знания и тем самым приобретает статус само собой разумеющегося знания. В. А. Шнирельман (2021, с. 25) называет такую память «травматической памятью постколониального типа», которая усложняет межнациональные отношения между регионом и центром. Особенно это касается Чечни, где интерес представляет обратный процесс, когда в результате проводимой политики памяти наблюдаются действия, направленные на конструирование идентичности посредством смены политики с виктимизации на героизацию травматических событий. Региональные власти Чечни активно вводят в социальное пространство память о национальных чеченских героях, которые сыграли важную роль в сопротивлении Российской империи. Уникальным представляется выделение сильных качеств данных лиц как повод для гордости, но умалчивание о самом контексте войны (с кем они боролись и почему не говорится) (Танайлова, 2024, с. 234). Несомненно, это является ожидаемым феноменом на фоне лояльной политики региональной власти по отношению к федеральной. Кроме того, эта политика проявляется не только в выделении конкретных национальных героев, но и в репрезентации самой территории Чечни как земли героев. Например, показателен мемориал в Дади-Юрт, посвященный памяти жертв, погибших в 1819 г., где чеченские женщины оказали невероятное сопротивление солдатам Российской империи ценой своей жизни. В этой реконструкции акцентируется внимание на силе духа чеченских женщин, но не на самом враге, с которым они воевали. В качестве исключения критике могут подвергаться генерал Ермолов и имперские воззрения, но не русский народ в целом. Завершается нарратив этой реконструкции призывом избежать в будущем поводов для создания таких мемориалов (Коц, 2013). Схожий пример представляет личность Шейха Мансура, с которого началась война Чечни с Россией. Однако власти Чечни сохраняют этого национального чеченского героя как символ силы чеченского духа, но делают важную оговорку, что сегодня поводов для подражания в самом акте его борьбы с Россией нет, поскольку чеченцы могут свободно исповедать ислам и сам лидер Чечни является мусульманином (Исаева, 2020). Аналогичная ситуация обстоит и с легендарным героем Байсангуром Беноевским (Исаева, 2020). Более актуальной для современной политики памяти фигурой в последнее время становится Бейбулат Таймиев, который во время Кавказской войны призывал чеченцев на открытый диалог с Российской империей, вхождению в ее состав с условием сохранения самобытной культуры. Его пророссийская позиция для политического истеблишмента Чечни сделала Таймиева достойным примером для подражания (Танайлова, 2024, с. 234).

Как федеральные власти Российской Федерации, так и местные власти в Чеченской Республике неоднократно предпринимали попытки убрать из мемориального пространства спорные темы, не вписывающиеся в государственную политику, направленную на консолидацию общества. Совершенно избавиться от памяти без отложенных последствий невозможно, но можно придать этой памяти «нужные» смыслы. Начав с принудительного внедрения этих смыслов с помощью тщательно контролируемой политики памяти, республиканские власти создали почву для дальнейшего, относительно безболезненного принятия трансформаций памяти чеченским обществом (Танайлова, 2024, с. 246).

Важно понимать, что политика памяти, направленная на регулирование представлений о прошлом с целью разрешения проблемы идентичности и ее разрешения в будущем, проходит через следующую структуру:

- а) формирование политического мифа;
- б) создание соответствующей ему системы символов;
- в) выработка комплекса периодических ритуалов.

Данные этапы могут быть рассмотрены в призме реконструкции представлений о прошлом. Так, согласно Э. Кассиреру (2002, с. 21), символ есть средство, с помощью которого происходит оформление духа в модальностях культурного бытия, представленных символическими формами. В темпоральном аспекте одной из таких модальностей выступает память о прошлом. Символ в политике памяти получает свой статус после мифологизации определенного события (например, День Победы в Великой Отечественной войне). Политический миф – это реализуемая через систему образов и символов форма политического знания, основная

направленность которой выражается в конструировании социальной реальности с целью управления обществом (Флад, 2004, с. 41). Такой феномен возникает как ответ на запрос общества в периоды его тревожности. Большинство людей не обладает необходимым знанием и достаточным временем для анализа политической ситуации внутри страны или международной обстановки в целом. Это дестабилизирует повседневную жизнь, что создает онтологическую угрозу социальной реальности. Политический миф в таком контексте предлагает упрощенное восприятие фактов, что для людей нормализует проживание их повседневной жизни. Безусловно, помимо этого он является необходимым средством поддержания стабильности самой политической власти. Наконец, политический миф формирует концепцию «свои» – «чужие», на основе которой базируется феномен идентичности, происходит темпоральная рефлексия, в результате которой выстраивается надежда на положительный образ будущего. Как правило, такие мифы занимают важное место в коллективной идентичности, поэтому для их объективации и легитимации в социальном пространстве формируется политический ритуал, благодаря которому соответствующие действия становятся привычными, обыденными и нормальными (Riviere, 1992, p. 22). Д. Керцер определил политический ритуал как любой символический акт власти, стандартизированный в социальном отношении, характеризующийся цикличностью повторения и несущий определенное значение (Kertzer, 1988, p. 5). Ярким примером политического ритуала является Военный Парад в честь Дня Победы над нацистской Германией в Великой Отечественной войне, который ежегодно проводится 9 мая. Особое внимание заслуживает психологическая картина этого процесса. Так, индивид перемещается из повседневной жизни в прошлое посредством реконструкций его условий и обстоятельств. После экзистенциального переживания этого опыта личность возвращается к своим рутинным обязанностям, но с обретенным в ходе ритуала определенным смыслом. Иначе говоря, во время ритуала личность погружается в конечную область смысла, где усваивает конкретные идеи, посредством которых конструирует свою социальную реальность.

В процессе реализации политики памяти в России основная задача государства – это формирование национальной идеи, которая рассматривается как вариант решения проблемы кризиса идентичности и консолидации представлений о прошлом. Согласно Л. Б. Гапоненко (2020, с. 45), как противодействие кризису социальной идентичности, приводящему к кризису личностного развития и межличностных взаимоотношений, в результате деятельности институтов гражданского общества формируется новая социальная идентичность – гражданская нация. Национальная идея не может быть механистически привнесена в общество средствами идеологического воздействия. Как говорил Э. Ренан (1902, с. 101), нация является результатом усложнений истории, духовным принципом, который, с одной стороны, зиждется на прошлом, а с другой, на вере в будущее. Следовательно, искусственно создать духовный принцип на основе вымышленного прошлого представляется задачей, обреченной на провал. Поэтому политика памяти, являющаяся стратегией управления прошлым, направленной на формирование идентичности, может достигнуть этого посредством реконструкции исторического знания. Безусловно, реконструкция не может быть чистой, отделенной от конструирования, потому что нет концептуального единства в самом историческом знании в научном аспекте. Так как прошлое имеет свойство забываться, то необходимы практики его сохранения. Неполитические институты тоже занимаются реконструкцией представлений о прошлом. Однако отсутствие государственного контроля может привести к войнам памяти.

Основной смысл данных рассуждений заключается в том, что политика памяти обусловлена существованием альтернативных версий прошлого, поэтому не будет ошибочным утверждение, что она появилась как ответ на конкретный социальный запрос. Предложенное государством решение в форме национальной идеи является не новым, но исторически эффективным инструментом. Чтобы была результативность в этом вопросе, основные постулаты национальной идеи должны учитывать межнациональные интересы, поскольку это может снизить социальные противоречия, возникающие на региональном уровне. Если в СССР национальная идея была связана с построением коммунизма, постулаты которого предложены как общее решение для достижения блага всеми, то в современной России таким концептом являются традиционные ценности. Как отмечает С. В. Кабышев, фундаментальные идеи, закрепленные в преамбуле нашего Основного закона, «образуют внутреннее смысловое ядро ценностно-мировоззренческой системы Конституции России» (Бондарь, 2024, с. 172). По мнению Г. Н. Чеботарева, основанием национальной идеи «должны стать традиционные духовно-нравственные ценности многонационального народа России и прежде всего – любовь и преданность Родине» (Бондарь, Крусс, Чеботарев и др., 2024, с. 64). Чтобы национальная идея была эффективным решением, необходимо, чтобы помимо государства в вопросе политики памяти могли участвовать и другие широкие круги экспертов и общества; учитывалась историческая и политическая целостность; сочетались эмоциональные и рациональные основания исторического знания; разграничивались пропаганда и реконструкция в проблеме прошлого. Соблюдение данных условий может способствовать формированию лояльного отношения народа к государству, укрепить доверие к представителям власти и веру в историческое знание, следствием чего станет консолидация представлений о прошлом и укрепление общенациональной идентичности.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа выяснилось, что представления о прошлом являются социальным знанием. Такое знание непосредственно связано с формированием идентичности. В результате усложнения общественных отношений шаткое положение приобретает сама идентичность, что проявляется

в конфликте между индивидом и социальными институтами. Вследствие этого одной из главных проблем становится кризис идентичности, протекающий как поиск ответа на вопрос «кем я себя считаю?». Большой поток информации, ее доступность и невозможность верификации дестабилизируют социальное сознание личности. Так как стабильность идентичности напрямую связана с представлениями о прошлом, а последние становятся проблемой при возникновении практик искажения исторического знания, появляется необходимость в политике памяти. Данная практика, проводимая как ответ на прямой социальный запрос, занимается регулированием вопросов исторической памяти. В силу того, что представления о прошлом у всех народов разные, политика памяти должна учитывать общенациональные интересы, не превращаться в форму чистой идеологизации, а, напротив, предпринимать действия по реконструкции исторического знания, сохраняя при этом баланс между эмоциональным и рациональным аспектами. Примером такого решения может быть концепт национальной идеи, который в современной России базируется на традиционных ценностях, учитывающих межнациональные интересы.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение роли образовательных и культурных институтов в трансляции социального знания о прошлом: в частности, анализ коммеморативных практик как механизмов стабилизации идентичности и противодействия искажению исторической памяти.

Материалы исследования | Research materials

1. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. 2013. 19 февраля. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17536>
2. Исаева А. Герои Чечни: кто они? // Это Кавказ. 2020. 9 декабря. <https://etokavkaz.ru/istoriya/geroi-chechni-kto-oni>
3. Коц А. Кадыров открыл памятник первым «шахидкам» // Комсомольская правда. 2013. 16 сентября. <https://www.kp.ru/daily/26133.5/3024328/>
4. Хамидова М. «Пора говорить правду»: Рамзан Кадыров о ботлихских событиях и имаме Шамиле // Чечня сегодня. 2019. 26 июля. <http://chechnyatoday.com/news/328448>

Источники | References

1. Авксентьев В. А., Аксумов Б. В. Официальный дискурс нациестроительства на постсоветском пространстве (на примере России, Казахстана и Белоруссии) // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.02>
2. Аникин Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 2.
3. Артамонов Д. С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дисс. ... д. филос. н. Саратов, 2023.
4. Арутюнян И. М. Политика памяти в России: конфликт поколений и новые технологии // Universum: общественные науки. 2025. № 5-1 (120).
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
6. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 2.
7. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
8. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
11. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. Изд-е 2-е, перераб. М.: Норма; Инфра-М, 2024.
12. Бондарь Н. С., Крусс В. И., Чеботарев Г. Н., Шугрина Е. С., Ишеков К. А., Липчанская М. А., Бердникова Е. В., Саленко А. В., Филиппова Н. А., Авдеев Д. А., Васильев С. А., Сухоруков А. С., Тепляков Д. О., Сеченова Е. Г., Кириллов Д. А., Еланцева О. П., Акилина Т. В., Карамышева М. С. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография / под ред. Г. Н. Чеботарева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024.
13. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
14. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М. – СПб.: Ин-т эксперим. социологии; Алетейя, 2001.

15. Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 4.
16. Волкан В. Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению / науч. ред. рус. изд. Михаил Решетников. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2012.
17. Гагкуев Р. Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // *Преподавание военной истории в России и за рубежом*. М. – СПб.: Нестор-История, 2021. Вып. 4 / под ред. К. А. Пахалюка.
18. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана М.: КРОН-ПРЕСС, 1998
19. Гапоненко Л. Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // *Дискурс-Пи*. 2020. № 3 (40).
20. Данилюк М. Ю. Интегративный курс «История и культура Дагестана»: к вопросу о значении в образовательном процессе Республики Дагестан // *Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*. 2020. Т. 3. № 2.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
22. Дройзен И. Г. Очерк истории // Дройзен И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004.
23. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным; прим. Ц. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2015.
24. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык.
25. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
26. Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // *Трансформация идентификационных структур в современной России* / под ред. Т. Г. Стефаненко. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001.
27. Колябина Т. С. Социальная идентичность как основополагающий элемент патриотизма и гражданственности // *Теория и практика общественного развития*. 2005. № 3.
28. Люббе Г. Что значит: «Этому можно дать только историческое объяснение»? / пер. с нем. Т. А. Дмитриева // *THESIS*. 1994. № 4.
29. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
30. Мудрик А. В. Социальная педагогика / под ред. В. А. Сластенина. Изд-е 5-е, доп. М.: Академия, 2005.
31. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
32. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В. Н. Михайлова. К.: Издание Б. К. Фукса, 1902. Т. 6.
33. Рикёр П. Время и рассказ: в 2 т. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ.
34. Русакова О. Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // *Дискурс-Пи*. 2023. Т. 20. № 1.
35. Семенов И. С. Политика идентичности и политическая идентичность // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7. № 2.
36. Сыздыкова Ж. С. Национальная идентичность в контексте глобализации // *Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности: сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых учёных (Москва, 30 октября 2020 г.)*. М.: Пробел-2000, 2021.
37. Танайлова В. А. Память и политика. Кавказская война в мемориальном пространстве Чечни // *Сибирские исторические исследования*. 2024. № 1. <https://doi.org/10.17223/2312461X/43/14>
38. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017.
39. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
40. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопросы философии*. 1994. № 10.
41. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Айрис-Пресс, 2004.
42. Чубукова Д. Г. Памятники российского Крыма: символическое закрепление полуострова в составе России // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2019. № 4.
43. Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.
44. Шнирельман В. А. Интеллектуальные дебаты постсоветского времени вокруг истории и культуры народов Северного Кавказа // *Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа* / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2021.
45. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
46. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. L.: Faber & Faber, 1968.
47. Kertzer D. I. Ritual, Politics, and Power. New Haven: Yale University Press, 1988.
48. Lifton R. J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N. Y.: Basic Books, 1993.
49. Mead G. H. The Nature of the Past // *Essays in Honor of John Dewey* / ed. by J. Coss. N. Y.: Henry Holt & Co., 1929.

50. Moscovici S. On Social Representations // Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding / ed. by J. Forgas. L.: Academic Press, 1981.
51. Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008.
52. Riviere C. Le rite enchantant la concorde // Cahiers internationaux de sociologie. 1992. Vol. 92.

Информация об авторах | Author information

Мамедов Артур Ахмедович¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Artur Akhmedovich Mamedov¹

¹ Saratov State University

¹ mamedov.artur01@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.04.2026; опубликовано online (published online): 26.06.2026.

Ключевые слова (keywords): социальное знание; представления о прошлом; кризис идентичности; историческое знание; политика памяти; social knowledge; representations of the past; identity crisis; historical knowledge; politics of memory.